

Георгий Русаков

СОЛОВЬИ

Венок сонетов

Посвящается Н.К. Литвину

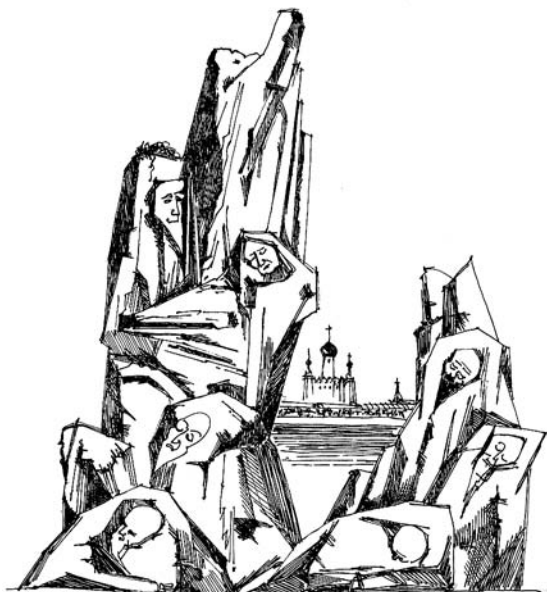
I

Молитвой до кровавых капель пота
Смирняя страсти бешеные сны,
Нагромождала черная пехота
Столетиями седые валуны.

Бойницами надежного оплота
От бесов и врагов ограждены,
Спасались старцы. И была забота:
Царя и церкви блудные сыны.

Ни ржа цепей, ни сырость подземелья
Не изживали мрачного похмелья
И буйной дерзости в еретиках.

Два мира шли на подвиг, на мученье.
О твердости, упорстве и терпенье
Вещает каждый камень в Соловках.

II

Молитвой до кровавых капель пота,
Веригами, изнемождая плоть,
Отшельники стремились распороть
Дьявольские хитрые тенета.

Когда-ж в постах, поклонами без счета
Нечистого случалось побороть,
На них смотрел коричневый Господь
Из темного потертого киота.

Великий Свет преисполнял раба.
Но демоны не оставались праздны
И вновь была упорная борьба.

Лишь прекращал докучные соблазны
Смолистый гроб из вековой сосны,
Смирняя страсти бешеные сны.

III

Смиря страсти бешеные сны,
Об удали забывши молодецкой,
Шли те, кому просторы жизни светской
Казались и греховны и тесны.

С началом трудной северной весны
К обители далекой Соловецкой
Они вели, влекомы верой детской,
Под парусами утлые челны.

Незримо средь монаш'ствующих братий
Святители Зосима и Савватий
Их укрепляли словом и трудом.

И было так: молитва и работа.
В постах и бдени грозный Божий дом
Нагромождала черная нехота.

IV

Нагромождала черная пехота,
Возжаждавшая вечности небес,
За камнем камень, корчевала лес,
Высупивала топкие болота.

Трудился лом, работали долота.
Уж совершилось множество чудес —
Не мог смутить оскудевавший бес
Бесплотных сил победного полета.

На некогда угрюмые места,
На белые часовенки и гати
Сошла, как сень, святая красота.

Исполнились незримой благодати,
Молчавшие, как злые колдуны,
Столетиями седые валуны.

V

Столетиями седые валуны
Лежали в летаргических долинах,
Лелеемы раздумьем о лавинах,
Ласкаемы касанием волны.

Курчавый мох нашпил им галуны,
Шумел им бор о временах былинных,
Их серебрил при клетках орлиных
Холодный луч уцербленной луны.

Но час настал. По вдавленной дороге
Их повезли телеги, сани, дроги:
Как дольний крин, процвел былой пустырь.

На куполах горела позолота
И глыбы глыб укрыли монастырь
Бойницами надежного оплота.

VI

Бойницами надежного оплота,
Что по углам несокрушимых стен,
Не упаслись монахи перемен,
Не скрылись от кровавого налета.

От новшества, от Никонова гнета
Они снесли осаду, голод, плен
И тайный яд предательских измен
Всегда готового Искарюта.

Погибли все, кто слово старых книг
Не охулил ни на единый миг —
Как при Нероне, Диоклетиане

Замучены на дыбах, сожжены...
На их места пришли никониане,
От бесов и врагов ограждены.

VII

От бесов и врагов ограждены,
Хвалили Бога радостные хоры.
И новые прекрасные соборы
Высоко в небо были взнесены.

В одно, Святое, были сведены
Каналами прозрачные озера...
Но чьи-ж больные, выцветшие взоры
Из мглы темниц глядеть осуждены?

Тюрьма... Смиренные, наивно веря,
Что корень зла — прельстительная речь,
От апокалипсического зверя

Собратьев наряжались постеречь:
Того сковав, замуравав того-то,
Спасались старцы... И была забота!

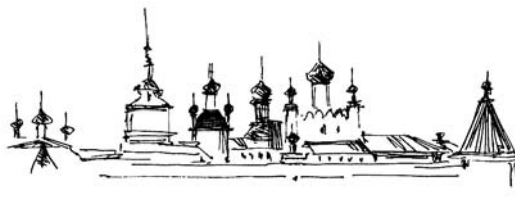
VIII

Спасались старцы. И была забота:
Со всех сторон лукавый наступал.
Манил мечтой. Под складки одеял
Завертывал охальность анекдота.

Жирел Маммона. Высылся Ваал.
Антихристова чудилась работа...
Тогда еще дней танго и фокстрота
Никто из прозорливцев не видал.

Под клубуком и вечным мраком схимы
Для них весь мир в разврате потонул.
Их искушать являлся Вельзевул.

Их утешать входили херувимы.
Им под начало были, вручены
Царя и церкви блудные сыны.

IX

Цари и церкви блудные сыны,
Ослушники закоренелой воли,
До наших дней с глубокой старины
Искали правду вы, как... ветра в поле!

Безумные — на взгляд со стороны,
Великие — для страждущих от боли,
Злодеи — для властителей страны,
Чего вам ждать в сей тягостной юдоли?

Ваш гордый ум и огненный порыв
Сулят одно: навек от мира скрыв,
Гноящих ран святое ожерелье.

Но мысль растет. Ей нет путей назад.
Взалкавших истины уж не страшат
Ни ржа цепей, ни сырость подземелья.

X

Ни ржа цепей, ни сырость подземелья
Не охлаждали неумных грез;
И старцам отрезвить не удалось
Упившихся кощунственного зелья.

Напрасно архипастырская келья
Внимала увещаниям до слез,
Напрасно унижался до угроз
Взыскующий духовного веселья...

Упорствовали крепко. Не один
Какой-нибудь начетчик деревенский
Здесь доживал до пасмурных седин.

Вотще сулили им огонь геенский:
Ни жизнь, как ад, ни ужас новоселья
Не изживали мрачного похмелья.

XI

Не изживали мрачного похмелья
Наставников казенные слова,
Но пробегала гулкая молва,
Что новый свет сияет из ущелья.

И часто брат, откинув рукоделье.
Прислушивался издали сперва.
Потом к решетке никла голова.
Темница стала духа колыбелью.

Как медь, гремел окованный глагол.
В сердцах росло смятенье и раскол.
И жаловался старенький игумен,

Что монастырь становится безумен,
Что много колебаний в чернецах
И буйной дерзости в еретиках.

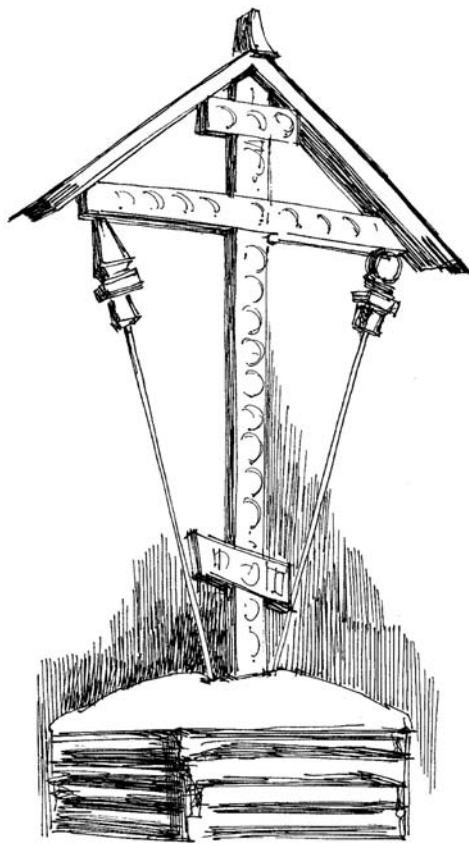
XII

И буйной дерзости в еретиках,
И туго скрученной ременной плети
В мозолистых монашеских руках
Хватило б и на новый ряд столетий.

Но где-ж они, на топких берегах
Добро и зло запутавшие дети?
В каких они воскресли уголках,
В каком коммунистическом декрете?

Везде, где совесть ангельски — чиста,
Где раскрывались братские объятия,
Где кровь лилась, где слышались проклятья,

Их формула разительно проста:
От смертных благ принявши отречение,
Два мира шли на подвиг, на мученье.

XIII

Два мира шли на подвиг, на мученье
Над каждым реял золотистый нимб.
Текли века с обычаем одним:
Внизу — тюрьма. Вверху — богослуженье.

Цвел монастырь, державы украшенья,
Спасителем и пушками храним.
И, с Божья попущения, над ним
Последнее разверзлось униженья.

Монахи прогнаны. Со всей страны
Сюда свезли кровавых изуверов,
И гордых и подсученных каэров,

И полчища занюханной шпаны.
Кто скажет им, бродящим в отупеньи,
О твердости, упорстве и терпеньи.

XIV

О твердости, упорстве и терпеньи
Высоких душ в томительной ночи
Твердят темниц истертые ключи
И власяниц терзающий репейник.

Несдавшихся последнее хрипенья
И токи слез впитали кирпичи,
И камера во храме не молчит,
Хвалу с хулой мешая в псалмопеньи.

Вы, в ком еще живет свободный дух,
Вы, кто к людскому горю не был глух,
К земле склоните честные колени!

И слушайте, волненье жвав в тисках,
Как о судьбе ушедших поколений
Вещает каждый камень в Соловках¹.

¹ Соловецкие острова. Соловки, 1926. № 2–3. С. 3–16.

Русаков Георгий Сергеевич

Арестован 7 октября 1924 г. и на 3 года сослан на Соловки. На Соловках пересидел больше срока полгода. Дополнительно осужден коллегией ОГПУ от 30 марта 1928 г. и на 3 года выслан в Йошкар-Олу.